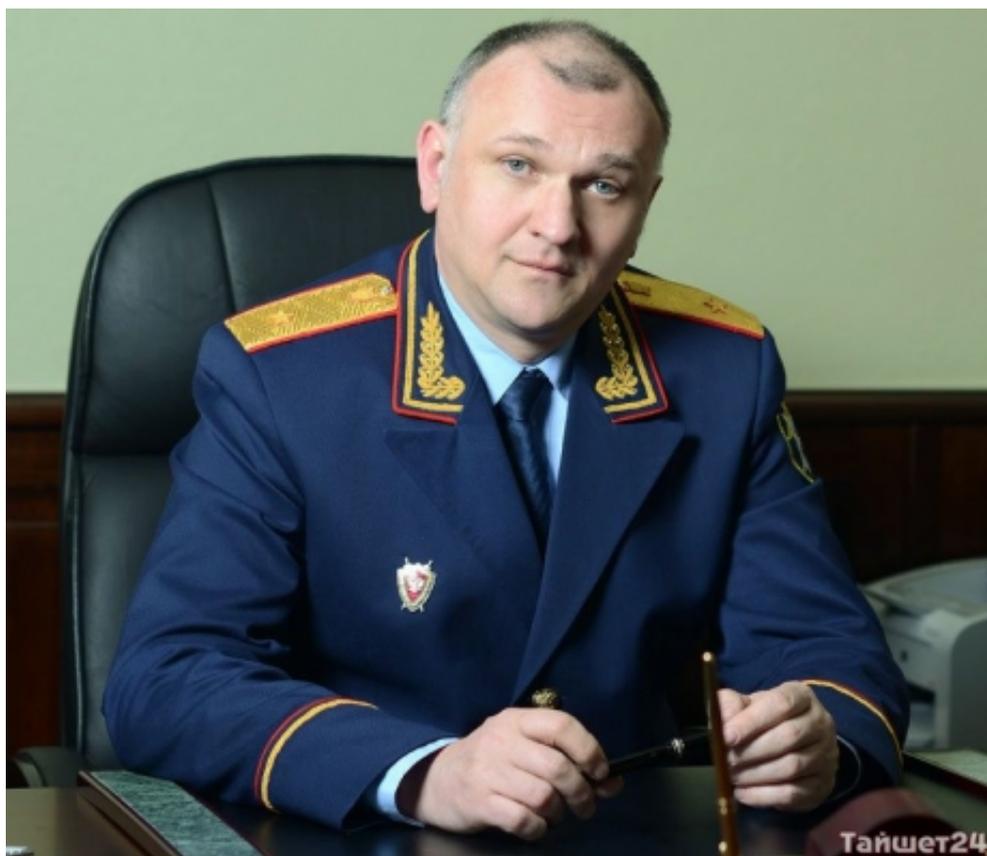




Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Интервью генерал-майора юстиции, руководителя СУ СКР по Иркутской области Андрея Бунёва агентству «Тайшет24»



С генерал-майором юстиции Андреем Бунёвым мы встретились в воскресный полдень в возглавляемом им следственном управлении Следственного комитета России по Иркутской области. В ходе двухчасовой беседы Андрей Юрьевич рассказал о достижениях ведомства, поделился своими суждениями о причинах высокого уровня преступности в регионе и пообещал, что посадки чиновников будут продолжаться.

Андрей Юрьевич Бунёв родился в 1965 году в Красноярске. Закончил юридический факультет Красноярского госуниверситета. Прошёл все ступени следственной деятельности.

С 1988 года работал стажёром, следователем прокуратуры района, старшим следователем, следователем по особо важным делам, более 12 лет — начальником



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

отдела по расследованию убийств и бандитизма прокуратуры Красноярского края. С сентября 2007 года занимал должность первого заместителя руководителя следственного управления Следственного комитета России по Красноярскому краю.

В июле 2011 года переведён в следственное управление по Кемеровской области, где исполнял обязанности заместителя руководителя. В декабре 2011 года указом президента Российской Федерации был назначен руководителем следственного управления по Кемеровской области.

27 июня 2013 года указом президента Российской Федерации Андрей Бунёв назначен руководителем следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области.

Награжден нагрудными знаками «Почётный работник прокуратуры Российской Федерации» в 2004 году и «Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации» в 2013 году.

— Андрей Юрьевич, давайте начнём со статистических данных. С какими результатами следственное управление вошло в 2016 год?

— Три года назад Иркутская область по уровню преступности занимала четвёртое место в стране с конца. К настоящему времени мы переместились на 19-е место. И всего за год количество убийств сократилось на 12%, число случаев причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших смерть – на 16%, изнасилований стало меньше на 29%, грабежей – на 30%, разбоев – на 25%, квартирных краж – на 33%, хищений автомобилей – на 30%, преступлений, совершённых в общественных местах – на 12%.

Таких результатов удалось достичь в первую очередь благодаря тому, что в регионе отлажена технология взаимодействия правоохранительных органов. Заключены соглашения со всеми компетентными структурами: полицией, прокуратурой, органами исполнительной власти, уполномоченным по правам ребёнка, уполномоченным по правам человека и другими контрольными структурами. Нам друг с другом делить нечего: работаем в едином порыве на общий результат. Важно то, что эти взаимоотношения не носят формального характера, и постоянный обмен информацией позволяет эффективнее работать.

Помните, недавно [бизнесмена в Иркутске застрелили](#)? Нам удалось найти преступника в течение двух часов. Теперь каждым конкретным преступлением занимаются не один следователь и один оперативник, как это было раньше, а проводится большой комплекс работ



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

различными службами и подразделениями — следственными, экспертными, оперативными, участковыми и многими другими.

Наши технические возможности также значительно улучшились. В прошлом году мы создали экспертное подразделение с уникальными технологиями, которые можно встретить только в передовых зарубежных силовых структурах.

— В таком случае, почему бурлит живая общественная мысль о том, что ситуация с преступностью у нас не просто страшная, а стабильно ухудшается?

— Но цифры-то свидетельствуют об обратном! Ведь если случился разбой, — его не спрячешь. Никакой гражданин, на которого совершено нападение, не откажется писать заявление. То же касается и квартирных краж. С убийствами тем более всё понятно: труп либо есть, либо его нет.

Вот я искренне не могу понять иркутские СМИ. Сам я иркутянин только два с половиной года... Почему жители Иркутской области настолько не любят место, в котором живут? Каких-то признаков патриотизма не вижу вообще! Есть динамика: в чём-то она положительная, в чём-то отрицательная. Но анализа этой динамики, рассуждений журналистов о том, что сделано, что получили и что делать дальше — не вижу.

Иркутское управление — одно из крупнейших в России. И регион у нас, с позволения сказать, уникальный. Вот сравните. В 2014 году наше управление, которое обслуживает менее двух с половиной миллионов человек, направило в суд уголовных дел по фактам убийств на 38% больше, чем управление по Москве, которое обслуживает около 20 миллионов человек! В 2015 году эта цифра была ниже, но всё равно на 30% превышала столичные показатели.

Очень часто СМИ говорят о том, что правоохранители тут не сработали, там не сработали. При этом за год у нас в производстве бывает более четырёх с половиной тысяч уголовных дел. Материалов процессуальных проверок — в пределах 13 000. Обращений граждан — около пяти тысяч. То есть ежегодно мы обрабатываем порядка 25 тысяч поводов.

И всего за два года брака в нашей работе (возвращение судами или прокурорами дел для дополнительного расследования, отмена решений) стало в четыре-пять раз меньше. То есть качественные показатели улучшились. И если три года назад у нас отменялось 28% решений об отказе в возбуждении уголовных дел, то сегодня — не более пяти процентов.

Из означенных 4500 уголовных дел мы не смогли установить преступников всего по семидесяти делам. На мой взгляд, это немного. Ещё два года назад число таких фактов достигало 400-500. Три-четыре года назад раскрываемость убийств была на уровне 82%, сегодня — 93%. Раскрываемость случаев нанесения тяжкого вреда здоровью, повлекших



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

смерть, была на уровне 78%, сегодня — 93%. А это выше среднероссийских показателей.

Процентов 60 убийств раскрывается сразу: вот труп, вот убийца. Процентов 20-30 — в результате интенсивной работы правоохранительных органов в течение трёх-четырёх дней. Оставшиеся убийства мы раскрываем в результате длительной работы.

Теперь объясню, почему я говорю, что раскрываем практически все убийства, а порог колеблется на уровне 93%.

Три года назад у нас был другой подход: пока не доказано, что произошло убийство, мы факт смерти человека убийством не считали. Теперь подход диаметрально изменён. Пока мы не докажем, что это не убийство, мы расследуем как убийство. Таким образом, к семи процентам нераскрытых убийств могут относиться различные непонятные эпизоды.

Например, пошла женщина с ребёнком на берег реки купаться. Ребёнок утонул. Женщина утверждает, что произошёл несчастный случай. Мол, отвернулась, а через секунду обнаружила, что ребёнка нет. Но мы-то не знаем, правду она говорит или нет. Поэтому возбуждаем уголовное дело по статье 105 уголовного кодекса (убийство). И расследуем факт смерти как убийство до тех пор, пока не найдём тело без признаков насильственной смерти.

До недавних пор уголовное дело по факту убийства возбуждалось только в случае обнаружения тела с признаками насильственной смерти.

Или другой пример. Бабушка уходит в лес за грибами и пропадает. То ли медведь её задрал, то ли сердечный приступ случился, то ли её убили — мы не знаем. И снова возбуждаем дело по 105-ой статье. И семь процентов нераскрытых преступлений такого порядка приходится как раз на подобные случаи. У нас буквально несколько реальных убийств, которые мы в прошлом году не раскрыли. То есть в этом отношении результаты работы улучшились крайне существенно.

— Андрей Юрьевич, как обстоит ситуация с раскрытием «висяков» — преступлений, совершённых несколько лет назад?

— Мы активизировали свою деятельность в этом направлении. Около трёх лет назад начали проводить ревизию уголовных дел, возбуждённых по совершённым 7-10-15 лет назад преступлениям. В своё время, когда отведённые законом на раскрытие преступления сроки вышли, эти дела были приостановлены и помещены в архив: в настоящее время их порядка пяти тысяч. Во многом благодаря тому, что у нас значительно выросли возможности экспертной деятельности, ежегодно мы раскрываем 220-250 дел, о которых уже все давно забыли.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Нередко звучат просьбы от людей во время личных приёмов. Кто-то говорит: «Десять лет назад убили моего отца, и до сих пор никто ничего не знает». Мы эти дела поднимаем и более чем в половине случаев находим преступников. Больше нас преступлений прошлых лет никто в стране не раскрывает.

— В Иркутской области сложилась устойчивая критическая ситуация в части преступности в отношении несовершеннолетних. Почему?

— Я пытаюсь поднять эту вопиющую тему везде. Она требует повышенного внимания и нестандартного подхода со стороны компетентных министерств и ведомств. Потому что именно они ситуацию довели до предела.

По количеству самоубийств на 100 000 детей наш регион занимает первое место в России. Хуже нет нигде! В результате преступных действий в 2015 году погибло более 70 детей в возрасте до пяти лет. Девять из них убиты умышленно, ещё 17 по неосторожности.

Малолетние, то есть те, кому ещё нет 14 лет (и в силу этого мы не можем привлечь их к уголовной ответственности), совершили 21 тяжкое и особо тяжкое преступление. В основном речь идёт об убийствах.

В части сексуальных преступлений в отношении детей ситуация у нас тоже катастрофическая. Только представьте: в Москве с 20-миллионным населением уголовные дела по преступлениям сексуального характера, совершённым в отношении детей, возбуждаются в среднем один раз в день. В Иркутской области с населением 2 миллиона 400 тысяч бывают дни, когда таких дел мы возбуждаем по восемь!

В Иркутской области за второе полугодие 2015 года обычных преступлений в отношении детей (по линии СКР) зарегистрировано 120, а сексуальных — более двухсот. Нет другого такого региона в России, где имущественных преступлений в отношении малолетних совершается меньше, чем сексуальных.

Когда я приехал в ваш регион, меня буквально в первую неделю совершенно потряс случай. Произошло изнасилование шестилетней девочки. Разрыв промежности, влагилица, прямой кишки... Ребёнок месяц проводит в больнице, восстанавливается, выходит в школу. Врачи о преступлении не сообщают, учителя молчат, родители не заявляют. Узнаём случайно. Насильника тут же сажаем и спрашиваем этих граждан: почему не заявили?! Нам в ответ: а что тут такого?

Вот скажите мне: это нормально? Любой страшный эпизод требует принятия экстраординарных мер. И сейчас, расследуя преступления такого толка, мы обязательно смотрим в корень.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Приведу пример двухгодичной давности. В Черемхово мужчина убил ребёнка сожительницы. Убийцу могли бы просто осудить и забыть об этом деле. Но мы выяснили причины и предпосылки, которые способствовали совершению преступления. Оказалось, что ранее в отношении ребёнка этот человек уже применял насилие. А органы опеки, несмотря на официальные обращения учреждений здравоохранения о том, что ребёнок находится в условиях, угрожающих его жизни и здоровью, никаких мер по его изъятию из семьи не предприняли. Поэтому мы также возбудили уголовное дело и в отношении органов опеки. Затем параллельно с расследованием убийства мы расследовали и должностное преступление. Раньше ничего подобного никогда не было.

Другой страшный эпизод произошёл в Куйтуне. Несовершеннолетняя мать, которая лишена родительских прав в отношении своей дочери, заморозила девочку. Она выставила её в 30-градусный холод на улицу. Мы возбудили уголовное дело по части второй статьи 105-й и стали разбираться в сути случившегося. Выяснилось, что опекунами погибшей девочки являются её бабушка с дедушкой. Но, видимо, и им было не до ребёнка. Суть в том, что незадолго до трагедии девочку две недели продержали в иркутской больнице, где она проходила лечение, а потом переместили в социальное учреждение, потому что никто не приехал её забирать из медицинского учреждения. Для чего после этого её фактически насильно вернули в семью, в нашей структуре никто понять так и не смог. Ведь очевидно: если не едут за ребёнком, значит с ним точно что-то произойдёт. В результате мы возбудили уголовное дело в том числе и в отношении органов опеки.

В посёлке Шумский Нижнеудинского района гастролёр с Дальнего Востока похитил, изнасиловал и убил девочку. Благодаря искусству оперативников и техническим возможностям мы его вскоре задержали – успел добраться до Красноярского края. Во время проведения следственных действий выяснилось, что ребёнок был предоставлен сам себе. Доходило до неприемлемого: девочка питалась тем, что люди оставляли на местном кладбище... Там же и познакомилась со своим будущим убийцей. Совершенно очевидно, что у органов опеки было множество поводов изъять ребёнка из условий, угрожавших его здоровью и жизни. Этого сделано не было. Девочка погибла. Поэтому в отношении начальника отдела опеки Нижнеудинского района нами было возбуждено дело.

— А с детской преступностью как у нас обстоит ситуация?

— Дело в том, что только в одном случае из шести преступления совершаются «домашними» детьми. Остальные пять – дело рук воспитанников детских домов и интернатов, сбегающих из этих учреждений.

Год назад следственное управление, полиция, уполномоченный по правам ребёнка и министерство образования области начали очень плотно заниматься детскими домами. Самые элементарные профилактические меры, предпринятые нами, позволили всего за год



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

количество уходов из детских учреждений сократить на 70%. Следовательно, резко снизилась и детская преступность.

И эти цифры невозможно объяснить манипуляцией со статистикой! Почему всем миром на эти проблемы не набрасываемся? Почему пресса об этом не пишет? Мне совершенно непонятно.

— Социальная журналистика в Иркутской области действительно хромает на обе ноги. Кроме всего, ни одно СМИ не будет заниматься исследованием темы, которая не вызывает у аудитории интереса.

— Я приехал из Красноярского края, где прожил больше сорока лет. Читал недавно [Вашу статью](#) о том, что многие красноярцы ненавидят свой город. Но в то же время они — патриоты своего города. Скажешь что-нибудь не то про Красноярск — могут и неадекватно среагировать. А в Иркутской области принято ругать всё, всех и вся. Почему?

Вот я работал в Новосибирске, в Кемерово — нигде нет такого. Посмотрите на сайтах этих регионов — там тоже много негатива, но такой ненависти нет. Кто-то чем-то восхищается, другие — недовольны. Ту же полицию ругают везде, потому что служба у них такая. Но даже эти недовольства имеют конструктивную форму. Но только не в Иркутске.

И, кстати говоря, этот конструктив там широко обсуждается, изучается органами власти, а многое из того, о чём пишут простые люди, реально делается. Почему здесь этого нет? Не все ведь любят желтуху и чернуху.

— Товарищ генерал-майор, не могу не задать вопрос о [Вашем «диалоге на высшем уровне»](#) с руководством Иркутской области. Вас обвиняют в том, что Вы фактически открыто угрожали председателю правительства Александру Битарову и заместителю губернатора Виктору Кондрашову...

— Тут совершенно простая ситуация. Дело в том, что мы очень сильно настроены на взаимодействие и сотрудничество. Иркутская область — это не тот регион, где уместно демонстрировать свои амбиции. Здесь важнее засучить рукава и работать вместе на достижение общего результата. Потому что область запущена — в экономическом и социальном плане. Губернаторы, которые сюда приходили, зачастую даже не успевали разобраться в ситуации, а уж тем более создать фундамент и начать работать на результат.

Бизнесу в этой мутной воде, когда нет контроля, нет правил и можно делать всё, что заблагорассудится, очень комфортно функционировать. Чиновникам нужно забыть о своих амбициях и начать заниматься наведением порядка на территории. Я не позволю, чтобы в публичной сфере появлялись замечания высокопоставленных должностных лиц в наш адрес,



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

носящие к тому же несправедливый характер.

Прозвучали обвинения в том, что мы не можем разобраться в некоторых громких коррупционных скандалах. Да уже давно разобрались и дела направили в суд! Поэтому, естественно, мы со своей стороны дали информацию о том, что нас обвиняют несправедливо.

Я ведь очень много могу рассказывать про коррупционные проявления при строительстве детских садов, ледового дворца, резиденции «Ангарские хутора»... Мы высказались в резкой форме? Да. Какой привет — такой ответ. Если про нас будут говорить, мягко выражаясь, не совсем правду, мы со своей стороны будем заявлять о том, что это неправда. Мы работой должны заниматься, а не препираться. Мы не в том регионе, где нужно языком работать. Здесь нужно работать головой!

И мы постоянно предлагаем сосредоточиться на решении насущных проблем. В частности, проанализировали ситуацию по области, касающуюся бродячих собак. Дали информацию на этот счёт губернатору. И тут же слышим отзывы: Следственный комитет сошёл с ума, делать им там нечего, занимаются чем попало... Но ведь такие вещи говорят люди, которые никогда не видели детей, разорванных на части бездомными собаками. И по всей стране Следственный комитет занимается этой проблемой. Мы предупредили глав и правительство: если где-то собака причинит вред ребёнку, мы привлечём к уголовной ответственности всех виновных, всех, кто недоработал.

Мы не о собачках заботимся, а о детях. Нам правительство области заявляет, что всё идёт своим чередом, финансирование сохранено, уровень контроля над расходованием средств осуществляется самым должным образом. При этом из муниципалитетов мы получаем кардинально противоположную информацию: финансирование сокращено в семь-восемь раз, ситуация безнадежная.

И здесь, естественно, мы молчать не можем, кто бы что ни говорил.

Есть другая проблема, которой следует заняться органам власти. В регионе регулярно горят частные жилые дома. Преимущественно пожары происходят в сельской местности. В огне гибнут взрослые и дети. В частности, в Тайшетском районе в прошлом году заживо сгорели двое детей...

А ведь рецепт сокращения числа подобных трагедий предельно прост. Существуют автономные оповещатели, работающие от батареек, которые в случае возникновения пожароопасной ситуации успеют дать понять: что-то происходит. В том же Красноярском крае ещё три года назад за счёт бюджета обеспечили этими нехитрыми устройствами всех нуждающихся. И количество детей, погибших при пожарах, сократилось в пять-десять раз! Один такой датчик стоит в пределах пятисот рублей.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Анализ обстановки на местах пожаров показывает: тела почти всех погибших в огне детей находились либо на кроватях, либо под кроватями (они успевали просыпаться и пытались скрыться в укромном месте). Везде одни и те же обстоятельства — от случая к случаю! И ведь огромных финансов на решение этой проблемы не требуется.

Взять уголовное дело в отношении того же вашего [Евстратова](#)... Они там разбазарили денег в сотни раз больше, чем стоило оснастить всю Иркутскую область этими оповещателями.

— **А вы верите в случайности и совпадения?**

— Да, конечно.

— **То есть [возбуждение уголовного дела в отношении сына губернатора по факту неуплаты им налогов именно в тот день, когда Битаров обвинил Комитет в бездействии](#), — это просто совпадение?**

— Хотите — верьте, хотите — не верьте: это совпадение. Для того, чтобы возбудить дело по налоговому составу, необходимо пройти ряд процедур. В первую очередь, получить подтверждение из налоговой службы и полиции того факта, что уклонение от уплаты налогов действительно имеет место. Потом мы проходим согласование с прокурором. Это ещё занимает время. И если мы в итоге возбуждаем дело, то происходит это только тогда, когда мы однозначно уверены в том, что состав преступления есть.

То есть вся процедура занимает несколько недель. И только потом мы принимаем процессуальное решение. Вот как Вы считаете: реально ли нам мгновенно возбудить дело после того, как нас кто-то задел за живое? Или Вы думаете, что у генерала Бунёва в сейфе лежала папочка с готовым делом, которая просто ждала своего часа?

— **Есть ли в Иркутской области территории особого внимания, которые Вам как бельмо в глазу?**

— Есть. Но разные территории показывают разные проблемы. Бельмо в глазу получается, когда уровень профессионализма местных правоохранителей не совсем соответствует требованиям. А если руководители силовых структур на месте справляются с ситуацией, бельмо очень быстро исчезает. За последние пару лет таких проблемных территорий стало меньше процентов на 80%. Погонные ведомства стараются выполнять свою работу качественно, наращивать объёмы, набирать темпы. Плюс ко всему уделяется большое внимание кадровому вопросу: мы ищем и находим руководителей, которые способны справляться с поставленными задачами.

— **В системе Следственного комитета наблюдается осязаемое омоложение кадров.**



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

И это очень хорошо [видно по Тайшету](#). Можно допустить, что 25-30-летние ребята юридически достойно подкованы. Но жизненного-то опыта у них нет...

— Жизненный опыт, безусловно, нужен, иногда он помогает. Естественно, 35-летний следователь работает совсем иначе, чем 22-летний. И люди его воспринимают по-другому. Но в то же время встречаются способные совсем молодые ребята, делающие выдающиеся раскрытия преступлений. Я могу уверенно сказать, что жизненный опыт в работе следователя не всегда является определяющим фактором.

Наши следователи — процессуально самостоятельные лица. Они могут работать в рамках своих полномочий и делать то, что считают необходимым. При этом все наши сотрудники чётко контролируются в соответствии с законом о системе Следственного комитета. И когда они совершают самостоятельные действия, соответствующие контрольные подразделения аппарата знают практически о каждом значимом шаге. И в ситуации постоянного контроля вопрос о дате его рождения роли не играет.

Я расскажу, как попасть к нам на работу. Удивитесь, наверное. Приходит либо студент старших курсов, либо уже выпускник. Мы его не принимаем сразу на должность следователя. У нас есть такая категория — «общественный помощник следователя». Мы оформляем человека на эту должность приказом, он также проходит полиграф. Затем полгода-год-два работает бесплатно. И без каких-либо гарантий, что он получит, в конце концов, искомую работу.

Когда руководитель отдела принимает решение о том, что претендент созрел, кандидат проходит ещё одну стадию проверки. В конечном счёте трудоустраивается от силы половина общественных помощников.

Но в любом случае эта работа на общественных началах приносит человеку колоссальную пользу – он бесплатно получает уникальные знания и бесценный опыт, который пригодится в любой юридической работе.

— Андрей Юрьевич, работа в Комитете, безусловно, требует полной самоотдачи. Все выдерживают нагрузки?

— Следственный комитет — очень прагматичная структура. И нагрузки у наших сотрудников действительно запредельные. Те, кто не может выдержать этого сумасшедшего ритма, уходят на пенсию или увольняются.

У нас крайне жёсткие требования. При этом у людей отсутствует личное время, зато есть постоянный прессинг со стороны сроков, которые недопустимо нарушать. Стабильно происходит и такое: человек целую неделю проработал с утра до позднего вечера, а ночью в



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

выходные его опять куда-то выдёргивают... И это постоянно, годами! Поэтому руководителями становятся только те, кто способен выдержать такой режим, кто в условиях дефицита времени и гигантских объёмов информации может эффективно выполнять поставленные задачи. И, что очень важно, начальник должен быть способен и людей за собой повести.

— **Случается ли, что сотрудники Следственного комитета сами нарушают законы?**

— Мы очень жёстко реагируем на любые коррупционные проявления. Я всегда говорю о том, что у нас нет чести мундира. Есть понятие «репутация». Заслужил, заляпался – ответь по закону.

В 2015 году за совершение разного рода преступлений было осуждено четыре наших работника. Причём их дисквалификацию мы осуществляем собственными руками: сами расследуем дела и направляем их в суд. В этом отношении мы стоим на крайне жёстких позициях. И я Вам скажу, что сегодня Следственный комитет — это очень чистая организация.

Я служу с 1988 года, мне есть с чем сравнивать. Если работник профессионально непригоден, он увольняется, а если доказано, что совершил преступление, несёт ответственность по всей строгости закона.

Можно привести примеры освобождения руководителей от должностей. В частности, по Вашей тайшетской территории. Около трёх месяцев назад возбуждено [уголовное дело в отношении начальника колонии Москаленко](#) по факту того, что он незаконно поместил гражданина в штрафной изолятор. Вы знаете эту историю?

— **Мне видео показывали ещё два года назад.**

— Некий товарищ Васильев, занимавший некогда должность заместителя руководителя Тайшетского следственного отдела, был уволен потому, что он тоже два года назад это видео посмотрел и незаконно вынес решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Хотя характер преступных действий начальника колонии был очевиден. А видеозапись и вовсе оказалась утраченной.

Этот факт мы выявили при проведении проверки, после чего трудовой договор с Васильевым был расторгнут по инициативе работодателя в соответствии с пунктом 5 статьи 81 Трудового кодекса.

Когда подобные случаи в нашей системе выявляются, единственный выход — уволить руководителя без так называемого выходного билета. После такого увольнения он не имеет



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

права на получение специальной пенсии, а все годы, что он трудился в ведомстве, просто сгорают.

— **Андрей Юрьевич, в последнее время Вас очень часто можно наблюдать в медиа-пространстве: бесконечные прямые эфиры, интервью, пресс-конференции. У некоторых наблюдателей даже возникло предположение, что Вы собрались в Госдуму баллотироваться...**

— Нет, не собрался. В политику никогда в жизни не пойду.

А медиаактивность вызвана тем, что у нас действительно очень много злободневной информации, которую мы не всегда можем донести до людей. Согласитесь: достаточно много вещей Вы сегодня услышали впервые? Нам необходимо любыми путями доносить свою позицию, и, в первую очередь, путём взаимодействия с журналистами.

Я ведь не случайно Вам сегодня сказал о том, что можете задавать любые вопросы, и на каждый из них получите ответы. Нам скрывать нечего.

— **Вы часто проводите приёмы населения. Какие вопросы перед Вами чаще всего ставят?**

— Я много времени провожу в муниципалитетах на территории области, где встречаюсь с огромным количеством людей. И в каждом населённом пункте ставятся вопросы системного характера. Мы полученную информацию обобщаем и обращаемся в соответствующие органы власти. Очень часто результатом таких встреч становятся новые уголовные дела.

И бросается в глаза то, что в муниципальных образованиях нейтральное отношение к главе встречается крайне редко: обычно либо все его поддерживают, либо массово нападают. И в таких ситуациях у нас формируется однозначное восприятие: если народ к конкретному главе относится негативно, то мы понимаем, что за ним нужно присмотреть и разобраться, чем он вообще занимается. Потому что просто так, огульно обычно никто не высказывает недовольств. И действительно: нередко всплывают факты хищений, на основании чего мы возбуждаем дела и расследуем их.

Нас могут обвинять в любви к кому-то или в ненависти. Но почему-то политикам, которые такие обвинения озвучивают, не приходит в голову, что мы действуем строго в рамках закона. И все дела проходят через судебные органы, а некоторая их часть — и через кассационные инстанции.

У нас уникальный регион: практически все главы крупных территорий — Усть-Илимска, Братска, Ангарска, Иркутского района — либо осуждены, либо привлечены к уголовной



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

ответственности.

Вот я искренне не понимаю некоторых вещей. В главы, как правило, избираются люди состоявшиеся и, нередко, состоятельные. Ну ты ж ведь сам из этого города! Ну сделай ты его конфеткой! Ну сделай ты, чтобы было красиво, чтобы люди тебя на руках носили! Чтобы тебя ещё три поколения вспоминали!

Ну почему так не происходит? Почему человек приходит на это место, воспринимает его как способ для заработка?

Сколько мы будем таких деятелей выявлять, столько и будем привлекать.

— Но и в Ваш адрес продолжают звучать обвинения в том, что Вы ангажированы бывшим губернатором Ерощенко и до сих пор проживаете в принадлежащем ему коттеджном посёлке «Гринлэнд»!

— Я не вижу в этом ничего плохого. Объяснялся по этому поводу уже раз сорок; давайте ещё раз объясню.

Я не могу проживать в обычной квартире: у меня определённый режим и формальные требования. Место моего жительства должно соответствовать определённым условиям, в частности, оно должно иметь периметр. Этот дом я арендую у ассоциации ветеранов правоохранительных органов, не имеющей к Ерощенко вообще никакого отношения. У меня большая зарплата, и немалую её часть бухгалтерия взыскивает за аренду жилья.

Ну перееду я в какое-то другое место... Но такие посёлки так или иначе кому-то принадлежат. И тут же начнут раздаваться обвинения в том, что я ангажирован кем-то другим.

— Андрей Юрьевич, в одном интервью Вы сказали интересные слова: «Следствие должно работать в тишине». Много ли дел в этой тишине расследуется в отношении чиновников правительства области и глав муниципалитетов?

— Очень много. Это постоянный процесс. И Вы видите, что в отношении чиновников регулярно возбуждаются уголовные дела.

Поймите мою ситуацию. Я — офицер, я не выбираю место своей службы. Когда издаётся указ главы государства, я говорю: «Есть!», и еду исполнять. В Иркутской области, когда я сюда приехал, у меня практически не было знакомых. И уж тем более — обязательств и каких-либо личных ограничений. И это является благоприятствующим для объективной деятельности фактором.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Я в своей деятельности в первую очередь руководствуюсь соображениями законности. И не могу сказать своим коллегам, чтобы они возбудили или не возбудили уголовное дело в отношении кого-либо. Или чтобы приняли какое-то противозаконное решение. Работать здесь никому из них не надоело. А если завтра придет проверка, и меня уволят? Нарушители будут уволены вслед за мной.

Любое моё незаконное указание очень быстро станет достоянием общественности. У нас иногда говорят: мол, Бунёв там «химичит». Ну попробуй тут «похимичить»! Через две улицы ФСБ, через две — прокуратура и через улицу – Главное управление МВД.

Вот как себе журналисты, которые пишут о каких-то якобы незаконных решениях следственного управления, представляют себе реализацию таких решений на практике? Я скажу: посади того-то, и его посадят? Да скорее меня посадят!

Мы делаем то, что должны делать! И не будем останавливаться. Главные достижения — впереди. И тем чиновникам, которые живут нечестно, лучше начать жить правильно. А пока не поздно, уместно извиниться перед Родиной и начать беспорочно служить людям.

Андрей Лаховский



25 Марта 2016